

Статья №3)
(Продолжение. Начало в №5
от. 08.02.22 г.)

Грядущий строй

Две истории.
Экономист Либерман из Харькова предложил сделать критерием деятельности предприятия не вал и себестоимость, как было при Сталине, а прибыль. Внедрить троянского коня с элементами рынка в плановое хозяйство. В плановое – где имели право на жизнь и планово-убыточные предприятия. И никого ведь особо не волновало, что они убыточные. Жили. Развивались.

Это была самая настоящая, притом успешная диверсия против социализма. Принцип коммуны вновь поменяли на тот принцип, что возник на заре человечества, когда труд стал давать излишки и сразу возникло слишком много охотников их прикарманить. Сорняк наживы попер наверх.

И другой пример.

Щекинский эксперимент

Летом 1967 года на Щекинском химкомбинате начали внедрение нового способа организации производства. Суть его была довольно проста – совмещение профессий при сохранении стабильного фонда зарплаты на 1967–1969 годы. Экономия поступала в фонд коллектива.

Метод оказался весьма эффективным. Сократили 870 человек из пятитысячного коллектива.

Щекинский комбинат получил свое название от станции Щекино. Интересна история возникновения этого названия. Лев Толстой ехал поездом в вагоне первого класса под видом странника в свитке и в лаптях. Чудил старик по жизни, за плугом ходил, опрощался. В обед, разложил селедку с черным хлебом и стал есть. Запах селедки не понравился культурной пассажирке, даме с собачкой, и она выбросила ее в окно. Толстой, не долго думая, вслед за селедкой выбросил в то же окно собачку дамы. И естественно, мужичья рожа получила пощечину. Отсюда и станция Щекино. На анекдот больше похоже.

А на самом деле название станции Щекино получила после того, как здесь в 1866 году рядовой солдат Василий Шибунин, работавший на строительстве железной дороги, нанес пощечину офицеру. Шибунина судил военно-полевой суд. На суде его защищал Лев Толстой. Солдата расстреляли. А станцию стали называть Щекино. За пощечину – смерть.

Так вот, насчет щекинского эксперимента. К 1962 году в стране резко упала урожайность на целинных землях из-за неправильной агротехники, то есть вспашки степи и, как следствие, другой беды – пыльных бурь. Весь тонкий слой чернозема улетел к чертовой матери. В 1963 году впервые закупили за границей хлеб. Дожили, что называется. А ведь до наступления коммунизма по Хрущеву оставалось 17 лет.

В том же 1962 году, в июне, мудрое и непогрешимое Политбюро рассредоточило семитысячную демонстрацию рабочих в Новочеркасске. Советская экономика без Сталина буксовала. Надо было что-то предприни-

мать. Для начала партия козлом отпущения решила назначить туриста-кукурузника Хрущева, который за десять лет объездил вместе с семьей 83 страны. При нем зарплата стала опережать производительность труда, сметая с полок магазинов даже залежалый товар.

И тут, откуда ни возьмись, появился неизвестный экономист Либерман из захолустного Харькова с идеей эксперимента. В «Правде» появилась его нагнетавшая тогда статья «План, прибыль, премия», в которой предлагалось сделать главными критериями эффективности работы предприятия прибыль и рентабельность. Если отбросить словесную шелуху, суть эксперимента – введение, как сейчас говорят, рыночных, а вернее капиталистических показателей в экономике.

Ну и как, вы спросите, прокатило? Легко! Хрущев имел за спиной два класса церковно-приходской школы и Промышленную академию, и Брежнев три класса и заводской ВТУЗ. Да еще Косыгин, который в экономике ни ухом, ни рылом, поддержал эту идею, поскольку она ни копейки не стоила. Ни учить никого, ни искать новые рабочие места, ни создавать курсы повышения квалификации, ни толком планировать. Ничего не надо делать. Вводи показатель прибыли в экономику – сиди наверху в Совмине и стриги купоны. А предприятия будут с утра до вечера крутиться как белка в колесе в погоне за этой морковкой. Приблизительно так думал товарищ Косыгин, когда побратался с Либерманом.

Смертельный удар по советской экономике

Косыгинская реформа нанесла самый сильный, мощнейший, смертельный удар по основам советского строя. В 1962 году Хрущев дал добро на проведение хозяйственного эксперимента в духе концепции Либермана на нескольких предприятиях.

Сразу вырос отложенный спрос, денег неотоваренных добавилось на руках у населения, пришлось прибегнуть к испытанной палочке-выручалочке – увеличивать производство водки.

Но чтобы оценить итоги реформы в целом, надо рассмотреть, чем новая система стала отличаться от прежней. В советской экономической системе последних лет жизни Сталина работал механизм ежегодного снижения цен. За счет чего он достигался на предприятии? У Сталина был план по снижению себестоимости. У него было звериное чутье на отбор прогрессивных идей и талантливых людей. Руководство и весь коллектив предприятия им нацеливались на снижение себестоимости продукции. За снижение себестоимости получали премию.

Например, завод выпускает калоши. Себестоимость пары 10 рублей, а продает их за 12 рублей. Доля прибыли от себестоимости – 20%. Далее завод снижает себестоимость до 2-х руб-

лей. Экономия у него – 8 рублей. Вот за эту экономию себестоимости и получают премии у Сталина. Но все равно, у Сталина было не совсем то, о чем говорил Маркс. У Сталина сохранялась прибыль, у Маркса (ближе к коммунизму) – нет ее как класса. Сталин чисто теоретически не смог решить задачу. Но на практике нащупал пусть ухабистую, но верную путь-дорогу.

А что у Косыгина? Эти ребята пошли иным путем. Они приходят в главк, Госкомцен, Совмин и говорят, повысьте нам цену на наше изделие. Чиновник сунул презент в ящик стола и повышает цену на калоши до 20 рублей. Прибыль естественно будет – 10 рублей. (Цена (20 руб.) - минус себестоимость (10 руб.) У предприятия дутая прибыль 100%, надо да-

рошо, нет прибыли – тоже хорошо, главное снижай издержки производства, снижай себестоимость. У Косыгина платили премию за рост прибыли. Все наоборот сделали. Дешевые калоши для плана и премий уже на предприятии не нужны были. Получалась прямая зависимость: чем больше себестоимость, тем больше прибыль, если брать те же 20%. А значит, стремиться надо не к снижению, а к повышению себестоимости.

Закон экономии рабочего времени

А в чем была суть предложения Маркса? В чем она расходится с экономикой Сталина?

Маркс брал чистый пример, когда в обществе полное обоб-

вать Героя Социалистического Труда. И дают. У Хрущева было четыре звезды Героя. Три из них – Труда.

Вот эта вот прибыль из ниоткуда, дутая прибыль, и отчисления от нее и была реформой Косыгина. Прибавочная стоимость, которая существует и при номенклатурном «социализме», была перераспределена в пользу администрации завода. Пока маленький кусочек был перераспределен. Небольшой ручеек капиталистических отношений начал разъедать плотину социалистического хозяйства. В 90-е годы плотина окончательно рухнула.

Сталин не догадался полностью избавиться от прибыли. Он ее держал на нормативном уровне. Пример с нашими калошами. Себестоимость их в новом году 2 рубля. Планирование в новом году будет идти от этой новой себестоимости. К этой себестоимости добавлялось 20% нормативной прибыли, и получалась новая цена калош – 2 рубля 40 копеек. Экономия себестоимости – 8 рублей. И этот простой рабочий механизм был демонтирован именно в ходе «косыгинской» реформы. Это стало таким ударом, от которого страна уже не смогла оправиться. Ведь в «хрущевско-косыгинской» (либермановской) модели все было наоборот. В ней главное было – получить прибыль (в рублях).

У Сталина чихать хотели на прибыль, стимулирование, премирование шло за снижение себестоимости. Есть прибыль – хо-

ществование и предлагал выходить на рынок с себестоимостью товара. Правда, у него не было такой категории, как себестоимость, а была – стоимость.

Предположим, есть три предприятия, выпускающие кирпич одинакового качества. У одного себестоимость – 2 рубля, у второго – 10 рублей, у третьего – 16 рублей. Цена товара при социализме по Марксу должна равняться себестоимости товара. С нею, с этой ценой без накрутки всякой прибыли, три предприятия и выходят на рынок. В обществе работает один основной экономический закон – закон экономии рабочего времени. Спрашивается, какой кирпич вы возьмете? Правильно – по два рубля. Когда он закончится, возьмете кирпич по 10 рублей, и будете плевать, но заберете и по 16 рублей.

Коли начался разговор о косыгинской реформе, следует сразу сказать, что она поставила коллектив предприятия на ползозья, которые стали разъезжаться в разные стороны. Дирекция втихомолку от коллектива химичила с ценами. Снижение себестоимости, рачительное хозяйствование никак не поощрялось. Рвать рубаху на груди было не из-за чего. Повторюсь, премии фактически стали получать за дезорганизацию производства. Вот что такое косыгинская реформа с экономической точки зрения. Вместо высокой идеи, неба и творчества, рабочий коллектив ткнули в корыто с буржуазными помоями.

Интересы дирекции и интересы рабочих разошлись, как в море корабли. Облегченный вариант нового НЭПа, раковая опухоль была внедрена в социалистическую экономику. Единный народнохозяйственный сталинский плановый кулак, в результате косыгинской реформы рассыпался на падкую до наживы-прибыли стаю шакалящих предприятий.

После косыгинской реформы вектор интересов предприятий не стал совпадать с вектором интересов рабочего государства. Руководители предприятий стали надувать мыльный пузырь прибыли, от которого было радостно и весело только им одним.

Косыгинская реформа – это уже не только завуалированное возрождение эксплуатации верхушкой предприятия рабочих, но и одновременно, появление в обороте денег, не обеспеченных продуктами труда.

Я понимаю, идеал в человеческом обществе – едва ли полностью достигим. Реальность

всегда – компромисс на основе знания конкретных экономических законов.

Так вот в начале 60-х годов с началом всех этих экспериментов у советского государства было на выбор два пути: один – щекинский, второй – косыгинский. Выбрали второй.

Ответной реакцией на отмену такого показателя как снижение себестоимости, стало появление цеховиков. Рабочий контроль за расходованием материалов на производстве стал не нужен, а какой контролер из начальника, любой знает не хуже меня. То, что называлось диктатурой пролетариата, даже в таком урезанном виде, как рабочий контроль за производством, в виде снижения себестоимости, отняли у рабочих. Бал на предприятии стала править полностью администрация. А следующий смертельный удар по экономике социализма был нанесен в 1985 году. Был принят закон о кооперации. И все цеховики-тараканы, сидевшие тихо по задворкам и углам большой советской экономики, выползли из укромных щелей.

Здесь реформой экономики занимался уже другой великий реформатор – тоже предсовмина Николай Иванович Рыжков. При нем номенклатурный слой Советского Союза стал превращаться в новых буржуа.

Продолжение следует.

Дмитрий Щеглов